

Борисов Алексей Юрьевич

Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, пр. Ленина, 33.

Научный сотрудник НИИ историко-теоретических проблем народного зодчества ПетрГУ.
Преподаватель кафедры архитектуры строительных конструкций и геотехники

строительного факультета ПетрГУ.

balexey13@yandex.ru

7 / 10

ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЙ НА АРХИТЕКТУРНО-ЛАНДШАФТНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ ТРАДИЦИОННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ КАРЕЛИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ КАРТ ГЕНЕРАЛЬНОГО МЕЖЕВАНИЯ КОНЦА XVIII ВЕКА)¹

Аннотация: Карты Генерального межевания конца XVIII века представляют собой относительно точный источник информации, позволяющий проводить историко-архитектурный анализ планировочной структуры традиционных сельских поселений. Используемые условные обозначения и особенности графической трактовки населённых пунктов позволяют определить взаимосвязи поселения с его природно-ландшафтным окружением. На основании анализа уездных планов Олонецкой губернии составлена картина освоения территории, распространения планировочных форм, степени значимости природных и конкурирующих с ними искусственных структурообразующих элементов у различных народов, проживающих на исследуемой территории.

Ключевые слова: Историко-архитектурный анализ планировочной структуры поселения; Генеральное межевание конца XVIII века; интерпретация изображений населенных пунктов; влияние природных условий.

¹ Исследование выполняется в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

Влияние природных условий на архитектурно-ландшафтную организацию традиционных сельских поселений Русского Севера выражается в выборе местоположения поселения в ландшафте (тип заселения); степени подчиненности планировочной структуры поселения ландшафтным элементам, главным образом берегам водоемов; и значимости того или иного природного элемента (солнце, водоем, роща) в качестве объекта для ориентации застройки. Умелое использование ландшафтных и климатических особенностей территории при формировании застройки способствовало созданию в поселении комфортной, по представлениям и требованиям народной культуры, среды проживания. Этническая специфика таких представлений, позволила рассматривать архитектурно-планировочные особенности каждого поселения в качестве сравнительной характеристики, одной из которых является «вписанность» в окружающее природное пространство [1].

Основу историко-архитектурного анализа планировочной структуры поселений составляют натурный материал и фиксирующие его генеральные планы отдельных поселений в различные исторические периоды. Используемые документы, составленные предшествующими исследователями преимущественно в течение ХХ века, обладают разной степенью точности и детализации. Их разрозненность в большинстве случаев не позволяет ни составить общую картину существующих планировочных форм определенного субрегиона по единовременному срезу, ни выявить тенденции развития заселения и форм поселений в исторической ретроспективе. В качестве альтернативы могут быть использованы данные этноархитектурных инвентаризаций (сплошных единовременных обследований достаточно больших территорий) и архивные материалы, также предоставляющие результаты акций по единовременной фиксации поселений.

В этой связи вызывают интерес карты Генерального межевания, проводившегося в России во второй половине XVIII и первой половине XIX веков и охватившего 35 губерний, в которых насчитывалось 188264 владений с общей площадью всех земель 300,8 млн. га. [2: 18]. Генеральному межеванию предшествовали так называемые писцовые межевания, которые ограничивались лишь детальным описанием поселений без составления какой-либо дополнительной графической документации [2: 9].

Все документы, отражающие результаты Генерального межевания можно условно разделить на два типа. К первой группе можно отнести документы, касающиеся отдельных дач — планы и полевые записи землемеров. Материалы второго типа включают в себя данные сводного характера. Среди них наибольший интерес представляют Генеральные уездные планы и экономические примечания к ним [3: 33].

Генеральные планы уездов являются графическим обобщением процесса межевания, относительно объективно отражающим расположение поселений в конкретной природно-географической ситуации, и представляют наибольший интерес для проведения обще-территориального этноархитектурного исследования.

Известный исследователь зодчества Русского Севера Ю. С. Ушаков поставил под сомнение возможность использования карт Генерального межевания для проведения достаточно объективного историко-архитектурного анализа, апеллируя к преимуществам натурных исследований [4: 22]. Действительно, на основе гипотетических предположений о стадиальном развитии различных планировочных форм, принимая в качестве точки отсчета фиксированные сведения по современной ситуации, возможно проведение ретроспективного исследования архитектурно-планировочных тенденций. Однако последние возможности для использования натурного материала при таком подходе были исчерпаны еще в последней трети ХХ века. К сожалению, в настоящее время большая часть исторически сложившейся

застройки утрачена, и ретроспективное исследование с опорой на нее существенно усложняется или становится практически невозможным. Более того, современное состояние наследия народного зодчества препятствует и проведению полноценных этноархитектурных инвентаризаций. В этих условиях вопрос поиска новых источников информации встает наиболее остро, а значит и привлечение карт Генерального межевания XVIII века в качестве дополнительного источника для изучения планировочных структур поселений является допустимым, хотя и требующим специальных обоснований.

В качестве основного аналитического материала исследования нами рассматриваются планы Генерального межевания Петрозаводского, Повенецкого, Олонецкого Пудожского и Вытегорского уездов Олонецкой губернии второй половины XVIII века. Выбор обусловлен наличием на указанных территориях двух наиболее характерных для Карелии этнических групп населения — карел, вепсов и русских.

Указанные материалы представляют собой карты уездов, обобщающих данные зафиксированные для отдельных дач в пределах выбранной территории. Эти карты, составлялись относительно точно, поскольку изображенная на них территория юридически относилась «...не к именам владельцев, но к именам сел и деревень...», а приводимая на планах графическая информация способствовала разрешению споров о праве собственности [5: 9]. Сегодня, спустя два века, язык графических интерпретаций, возможно, не во всем понятен. В нем помимо явного обобщения и упрощения отображаемого материала, прослеживается единообразие специализированных обозначений, говорящих о единой системе организации процесса межевания, что отмечалось известными исследователями исторической картографии, такими как Н. Л. Рубинштейн, А. В. Постников, В. С. Кусов [6; 7; 8; 9].

Для нас наибольший интерес представляет графическая трактовка населенных пунктов, как основного объекта анализа. При составлении карт межевания для их изображения вводились условные обозначения, предположительно моделирующие массовую застройку. В использованных обозначениях более толстая линия отражает положение жилой застройки, а более тонкие используются для указания положения хозяйственных наделов, которые традиционно располагались позади домов. Тонкими линиями также обозначены дороги и подъезды к поселениям. Тракты дополнительно выделены цветом [10: 87—88].

Все это с достаточной степенью вероятности позволяет определить положение поселения относительно сторон света и различных географических объектов, таких как водоемы или элементы транспортной инфраструктуры, ориентирующие на себя жилые постройки, а также указать направление ориентации застройки.

Необходимо отметить, что на картах Генерального межевания поселения интерпретируются только через линейные структуры, основными из которых являются рядовые и уличные. Поселения, для которых характерны другие планировочные формы — беспорядочные или замкнутые, определяются сочетаниями простых линейных структур.

Для анализируемых карт Генерального межевания характерны чрезмерные обобщения и упрощения природно-географической ситуации. При сопоставлении графических обозначений населенных пунктов на межевых уездных планах конца XVIII века с их картографическими изображениями и генпланами последнего столетия можно заметить как сходство, так и явные несоответствия. Изображения поселений на сравниваемых разновременных документах сходны между собой благодаря привязке к крупным географическим объектам, в первую очередь водоемам, их пространственной ориентации, и преемственности планировочной структуры [11].

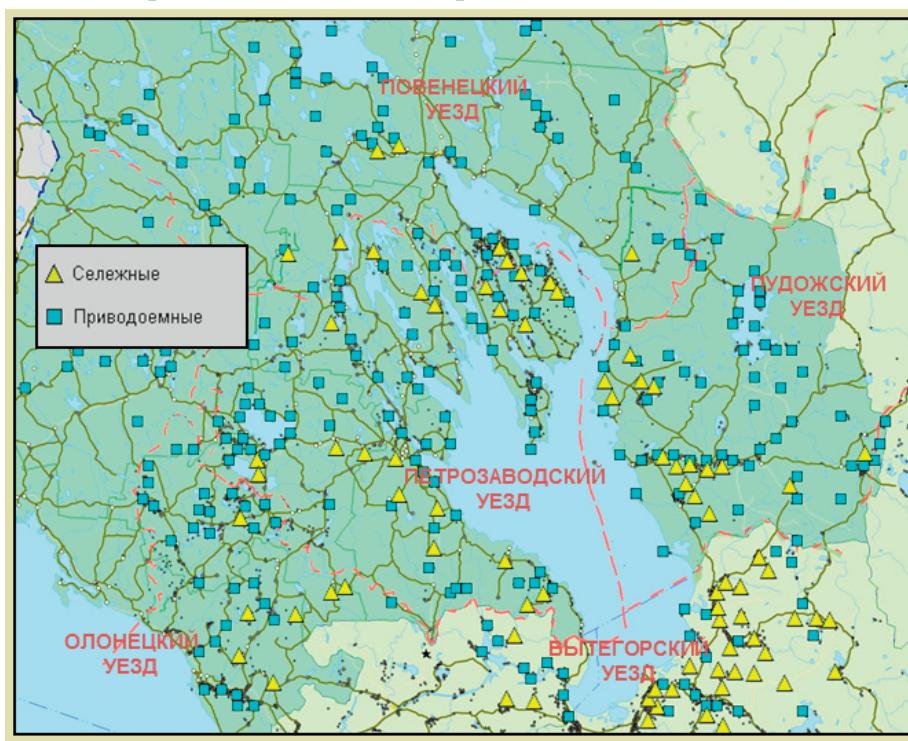

Рис. 1. Заселение территории

Сележные, или водораздельные, поселения возникали при недостатке удобных участков для размещения новых деревень у водоемов. Наибольшее распространение они получили в Олонецком уезде — 12,2 %, южной части Повенецкого — 11,2 %, Пудожском — 16,8 %, восточной части Петрозаводского — 18,6 %, и исследуемой северо-западной части Вытегорского уездов — 20,0 %. К поселениям, расположенным по сележным принципам, относятся в основном деревни, тяготеющие к речным долинам, но находящиеся на некотором удалении от рек.

На наш взгляд, различия в заселении и расселении между карельским являются следствием разных акцентов в хозяйственных занятиях населения — промыслового у карел в Повенецком, Олонецком и восточной части Петрозаводского уездов; земледельческого у вепсов — в южной части Петрозаводского и северо-западной части Вытегорского уездов, русских и обрусевших вепсов в Пудожье. В этом плане примечательны немногие сележные поселения на юге Повенецкого уезда, которые маркируют ареал древневепсского, земледельческого по своим основам, ареала.

Помимо характеристик заселения, планы Генерального межевания позволяют составить картину особенностей планировочных форм поселений в исследуемых уездах. Наиболее существенными признаками планировочной формы являются структура плана и пространственная ориентация жилых построек. Многообразие форм поселений, характерных для планов Генерального межевания можно объединить в группы рядовых и уличных структур, выделив в каждой группе простые формы и их усложненные варианты.

Наиболее характерными структурами для обоих уездов являются рядовые — 83,1 % в Повенецком, 53,3 % в Пудожском, в Олонецком — 93,3 %, в Петрозаводском — 83,3 %. В то же время в Пудожском уезде наблюдается увеличение числа уличных поселений (32,5%). В Повенецком, Петрозаводском и Олонецком уезде усложнение структуры прослеживается в появлении многорядности. В исследуемой части Вытегорского уезда также примерно 20 % составляют уличные поселения.

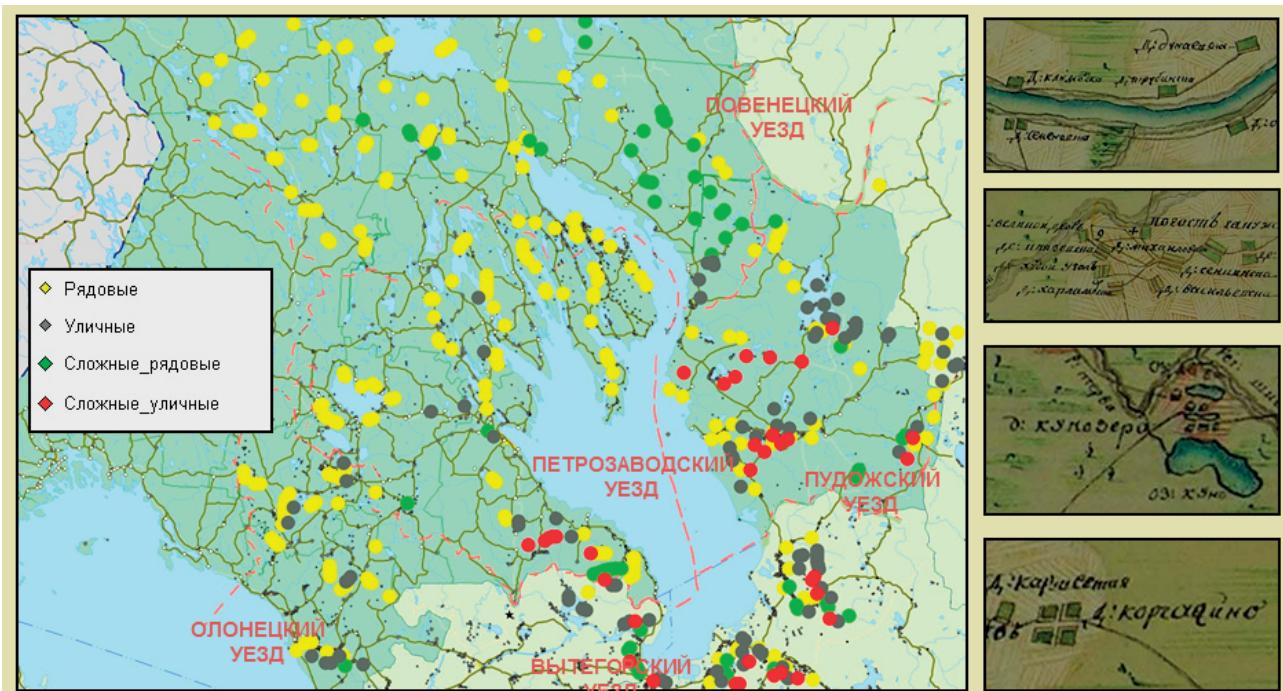

Рис. 2. Планировочные формы поселений

Отметим, что на наш взгляд, с точки зрения ориентации застройки рядовые структуры — однорядные или многорядные — открыты в окружающее пространство. Уличная структура противопоставляется природному окружению, ввиду обращения застройки лицевыми фасадами во внутреннее пространство поселения. Предрасположенность к раскрытию застройки на природное окружение в большей степени выражена у угро-финнов.

Значение того или иного природно-ландшафтного элемента для организации застройки выявляется при оценке ее пространственной ориентации, которая, в свою очередь, определяется направленностью лицевых фасадов жилых домов. В качестве основных ориентационных приоритетов для анализа выбраны: природные — солнце и водоемы, и составляющие им конкуренцию искусственные — дороги и архитектурные доминанты (культовые сооружения). Отдельно учитывались поселения с трудно выявляемой пространственной ориентацией.

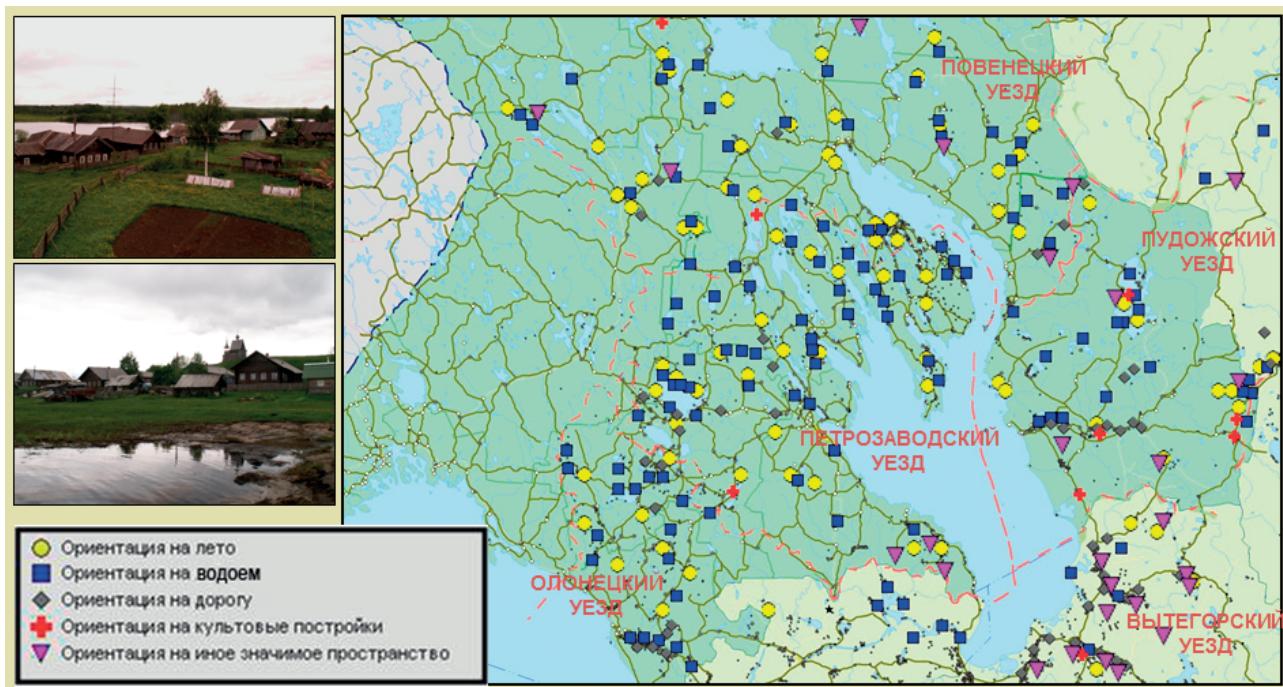

Рис. 3. Приоритеты ориентации жилой застройки

сочетаются преимущества расположения поселения у воды — реализация предпочтения уличной формы и ориентацию на водоем в виде раскрытия к воде уличной перспективы. Подобные случаи фиксируются в основном на больших водоемах — на Кенозере и особенно на Водлозере, где примеры таких улиц сохранялись вплоть до настоящего времени. Формирование открытых к водоему улиц, предположительно, является компромиссным решением, позволяющим подчеркнуть приоритетность водоема при организации поселения, одновременно создавая подобие замкнутых планировочных структур, способствующих защите внутреннего пространства деревни от сильных ветров со стороны водоемов [11].

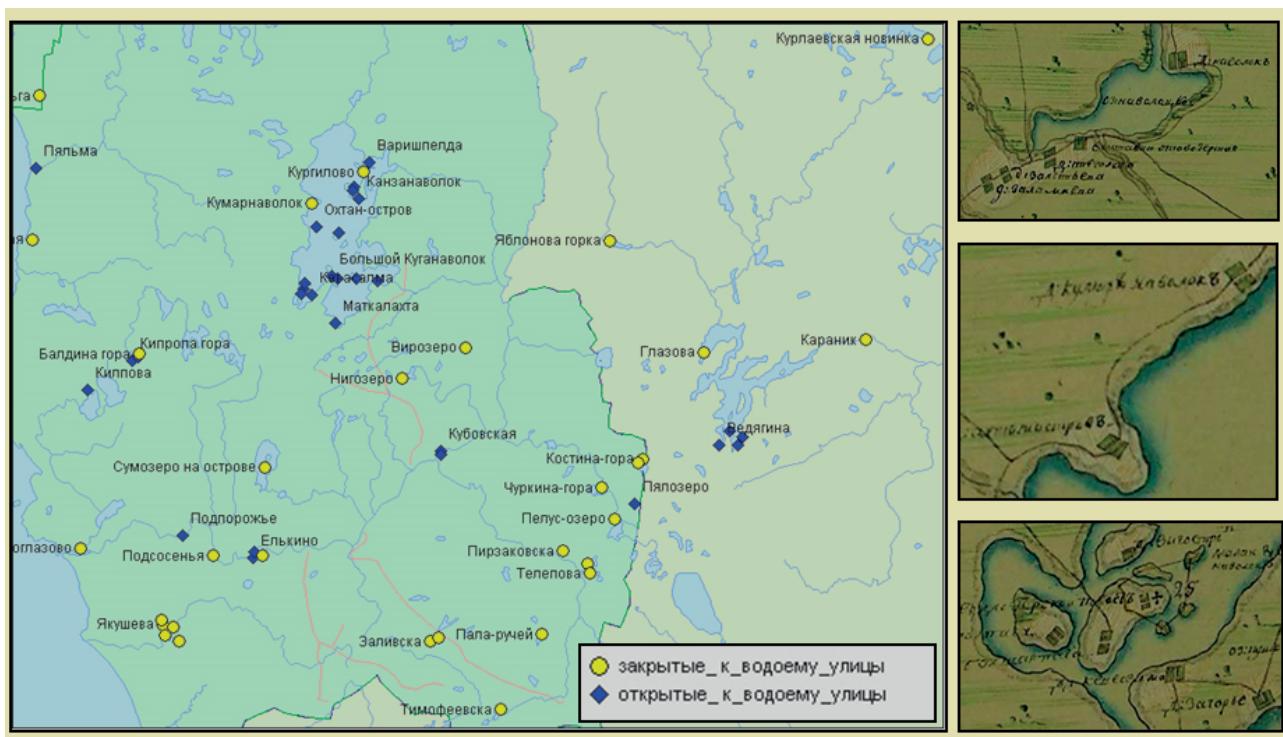

Рис. 4. Уличные приводоемные поселения

Помимо влияния дорог, на формирование планировочной структуры поселений существенное влияние оказывают архитектурные акценты. К последним, в первую очередь, относятся культовые сооружения. На изучаемых картографических материалах посредством условных обозначений отображаются лишь погосты (крупные храмовые комплексы) и некоторые из существовавших на конец XVIII века церквей и монастырей. Часть достаточно крупных культовых сооружений не обозначена, несмотря на записи о них в Экономических примечаниях к картам Генерального межевания, служащих дополнительным источником информации. Но имеющиеся сведения являются достаточными для выявления общих тенденций в определении положения культовых сооружений в структуре застройки.

По материалам изучения деревянного зодчества Карелии в XX веке известно, что положение часовен, церквей и погостов имеет свои особенности в планировке и застройке разноэтнических сельских поселений. Впервые это было замечено финским исследователем Ларсом Петтерссоном, изучавшим культовые постройки Заонежья в годы второй мировой войны. По его наблюдениям, храмы, построенные в Заонежье до второй половины XVIII века, ставились вне пределов застройки деревень, а начиная со второй половины столетия и позже — располагались в границах поселений [13: 40].

Согласно исследованиям В. П. Орфинского и И. Е. Гришиной, карельские храмы, главным образом часовни, за редким исключением сохранили обычай обособленной постановки на всем протяжении своей истории. Следствием развитого культа предков у карел стало фор-

мирование традиции, согласно которой каждой деревне предписывалось иметь свое кладбище на периферии застройки. В этом отношении карельские деревни отличались от русских, у которых существовало общее для группы деревень кладбище — погост. На русских погостах обычно стояли церкви, доминирующие над окружающим пространством. Для карельских кладбищ характерны небольшие часовни, скрывающиеся под кронами елей или сосен культовых рощ. Традиционная для карел модель мироздания, разделенного на страну мертвых и страну живых, неразрывно связанных между собой и вместе с тем противопоставляемых друг другу, отражалась образе карельского поселения. Единство двух миров определялось физической близостью местоположения и визуальными связями внутреннего пространства деревни и кладбища, противопоставление — ориентацией главных фасадов домов в сторону от кладбища [14: 73—77, 111—125]. Наиболее известные примеры такой организации — карельские деревни Юккогуба, Маньга, Большая Сельга, Ахпойла.

Постановка культовых построек таким образом, чтобы они играли активную структурообразующую роль — включение в застройку, постановка перед фронтом застройки, ориентация жилых домов на церковь или часовню — среди карельского населения распространена только у карел-людиков. Однако время перехода от обособленной постановки к включению культового объекта в структуру застройки поселения пока не установлено [14: 73—77, 111—125]. Известные примеры включения культовой постройки в структуру поселения — Кондопога, Большое Лижмозеро, Суйсарь на Острове.

Исследование положения культовых построек в структуре поселений проводилось нами на примере генеральных планов Петрозаводского, Повенецкого и Пудожского уездов Олонецкой губернии [15]. Проведенный анализ показал, что из 37 объектов культовой архитектуры, составивших базу исследования, 60% находятся вне застройки поселения. Более чем три четверти храмов (храмовых комплексов) не являются ориентирами для жилой застройки, отражая архаичную языческую традицию обособления сакрального объекта. Наиболее характерным это является для районов Пудожья, Сямозерья, южного Заонежья, вепсского Прионежья.

Остальные 40% храмов расположены в пятне застройки и большая часть из них играет структурообразующую роль в поселении: формирует общественные пространства и ориентирует на себя жилую застройку, представляя новые тенденции в развитии планировочной организации сельских поселений, что встречается чаще в северном Заонежье и на территории расселения карел-людиков.

В целом результаты проведенных исследований не противоречат сведениям, полученным исследователями преимущественно на протяжении последнего столетия, а дополняют их. Использование планов Генерального межевания позволило провести сплошной единовременный историко-архитектурный анализ планировочных форм поселений выбранного региона — Олонецкой губернии на период конца XVIII века. Анализ с точки зрения взаимосвязи поселений с их ландшафтной подосновой и природно-климатическими особенностями территории позволил определить для разноэтничной территории: масштаб и границы различных типов заселения территории, распространённость планировочных форм поселений, и степень различных значимости приоритетов пространственной ориентации.

Полученные результаты подтверждают возможности использования карт Генерального межевания для определения общетерриториальных тенденций в развитии планировочных структур. В тоже время, ограниченная информативность этих карт при проведении детальных исследований относительно конкретных поселений требует использования более поздних архивных материалов, например планов последующих этапов межевания и экспе-

диционных данных. При таком подходе вторая половина XVIII в. становится своеобразной точкой отсчета для изучения эволюции планировочных форм поселений, и отражению их взаимосвязей с природой в разных этнических культурах на протяжении более чем двух веков.

Библиографический список

1. Орфинский В. П. Вековой спор. Типы планировки как этнический признак (на примере поселений Русского Севера) // Советская этнография. 1989. № 2. С. 55—62.
2. Комов Н. В., Родин А. З., Алакоз В. В. Земельные отношения и землеустройство в России. М., 1995 г. 512 с.
3. Милов А. В. Исследование «Об Экономических примечаниях к Генеральному межеванию». М., 1965 г. 310 с.
4. Ушаков Ю. С. Ансамбль в народном зодчестве русского севера (пространственная организация, композиционные приемы, восприятие). Л.: Стройиздат. Ленингр. отд-ние, 1982. 168 с., ил.
5. Комов Н. В., Родин А. З., Алакоз В. В. Земельные отношения и землеустройство в России. Москва, 1995г. 512 с.
6. Рубинштейн Н. Л. Топографические описания наместничеств и губерний XVIII в. — памятники географического и экономического изучения России // Вопросы географии. 1953. №31. С. 39—89.
7. Постников А. В. Развитие крупномасштабной картографии в России. М.: Наука, 1989. 230 с.
8. Постников А. В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт / Отв. ред. И. А. Федосеев. М.: Наука, 1985. 216 с.
9. Кусов В. С. Земли Московской губернии в XVIII веке. Карты уездов. Описания землевладений. М., Изд. дом «Московия», 2004. Т. 1. 316 с.
10. Цицианов Д. П. Краткое математическое изъяснение землемерия межевого. СПб., 1757
11. Архитектурно-ландшафтная организация традиционных поселений Карелии (по картам Генерального межевания XVIII века) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Естественные и технические науки. № 8 (129), Т. 2., 2012 / ПетрГУ. Петрозаводск, 2012. С. 68—71
12. Муллонен И. И. Исторические топонимы в контексте этнокультурного наследия Карелии // IX Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. Петрозаводск, 4—8 июля 2011. С. 19—23
13. Pettersson Lars. Äänisniemen kirkollinen puuarkkitehtuuri. Helsinki, 1950. 342 с.
14. Орфинский В. П., Гришина И. Е. Традиционный карельский дом. Петрозаводск, 2009. 480с.
15. Borisov A. The religious buildings in planning structures of settlements of the Olonets region at the end of XVIII century (according materials of General land survey) // Architetturaeremita Sistemi progettuali e paesaggi culturali. Atti del Quarto Convegno Internazionale di Studi LaVerna 20—22 Settembre 2013. Florencia: Edifir-Edizioni Firenze, 2013. P. 468—473

